

Что делать с сюжетом?

Мои студенты обычно уверены: сядя за новую книгу, успешный писатель уже знает, куда его выведет сюжет. Ведь он, конечно, заранее продумал всю канву. Поэтому у именитых авторов такие прекрасные книги, и такая легкая, безоблачная жизнь, и такая высокая самооценка, и такое блаженное детское доверие к полноте бытия. Если честно, я не встречала ни одного писателя, похожего на этот идеальный портрет. Все, кого я знаю, за работой страшно мучаются, мечутся, тычутся туда-сюда и регулярно впадают в отчаяние. Добро пожаловать в наш клуб!

С другой стороны, можно не заикливаться на сюжете, а наметить себе промежуточную цель — например, эпизод, который вы замыслили как кульминацию. Пишите, подбираясь к этой сцене; но учтите — дойдя до нее, вы, скорее всего, обнаружите, что идея уже не работает. Обретенное в процессе знание о персонажах может изменить всю картину. Возможно, та придуманная сцена изначально вдохновила вас на работу. Только теперь она не кажется уместной, и развязку надо сочинять заново.

Именно такая история вышла с моим вторым по счету романом. Меня будоражил и подгонял один-единственный образ; я очень остро и полно чувствовала каждого из персонажей. Однако, когда дело дошло до главного пируэта, оказалось, что ничего не вытанцовывается. Так что я взяла паузу на несколько дней

и выждала, пока герои сами придут ко мне со своими речами и поступками. Казалось, я начинаю понимать, как стыкуются сюжетные линии, какой должна быть концовка. Я билась над книгой уже два года, отправляя фрагменты моему редактору в Viking Press.

Редактору с самого начала нравились персонажи, тон и стиль. Но когда он целиком прочел мой новый — уже второй — вариант, он отправил мне письмо. Оно начиналось так: «Дорогая Энн, мне очень тяжело Вам это писать, но...» У меня перед глазами заплесали серые мушки, как будто я ударилась головой прямо там же, на почте. Все закружилось. Далее редактор писал, что персонажи и диалоги очень хороши и мой роман — настоящее пиршество, только стол на нем накрыли, а поесть так и не дали. И читатель остался голодным. И вообще (тут редактор сменил метафору) книга напоминает дом без фундамента и несущих конструкций: он вот-вот развалится, ремонт бесполезен. Этот текст лучше оставить в покое и начать с нуля что-нибудь другое.

А я-то уже потратила почти весь аванс...

Еще на почте я впала в панику и депрессию, которые не отпускали меня неделю или две. Я сходила с ума от унижения и страха за будущее. Но все же позвонила одной подруге, которая всегда охотно меня читала и очень поддерживала. Та сказала, что моей книге нужен простор, солнечный свет и свежий воздух. Еще она велела не трогать текст целый месяц и завершила меня, что все будет хорошо. Правда, что именно «все» и как именно «хорошо», она уточнить не смогла.

И вот я отправилась в глушь и дебри: сняла комнату в громадном старом доме на берегу реки Петалума. Там было очень пусто и тихо. Никто из местных меня не знал. Практически никто из домашних не был в курсе, где я. За окном можно было видеть луга с коровами,

травой и стогами сена. Пару недель я зализывала раны и ждала, когда восстановится уверенность в собственных силах. Я старалась не принимать серьезных решений насчет того, что спасать: неудачную книгу или мою писательскую карьеру в целом. Одно я знаю точно: хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах.

Наконец я почувствовала, что готова опять засесть за роман. Я перечла его запоем и пришла в восторг. Да, мешанина — но очень добротная.

Дозвонившись редактору, я сказала, что теперь знаю, как исправить проблемы, и скоро это докажу. Тот очень обрадовался.

В доме, где я поселилась, была огромная обшарпанная гостиная. Однажды утром я принесла туда все триста страниц рукописи и разложила их на полу, главу за главой. Я выкладывала страницы рядком, с начала до конца главы, как гигантский пасьянс или плитки садовой дорожки. Некоторые части из начала явно были уместней в середине; на последних пятидесяти страницах нашлись эпизоды, которые так и просились в начало; там и сям попадались сценки, которые можно было собрать и переписать — и вышли бы прекрасные штрихи к портретам героя и героини. Я ходила вдоль разложенных страниц, подбирала и скрепляла пригодные фрагменты, делала для себя пометки о том, как лучше дополнить, переделать или урезать некоторые главы. Теперь стало заметно, чего и где не хватает: переходов между фрагментами, информации, без которой не поймешь происходящего. Я записывала это на отдельных чистых листах и прикладывала каждый из них к соответствующей кучке страниц. Там оставалось еще много места, хватило бы на целые сцены. Так хороший друг после тяжелой утраты предоставляет вам уголок, где можно погоревать и прийти в себя. Я прикинула

и набросала, что еще может страстись с героями, которых я прежде так оберегала, что стоит на кону, что решается в каждом эпизоде. Я нашла, где и как еще можно надавить на персонажей, подтолкнуть их так, чтобы крах стал неизбежным, — и сценарий самого краха записала тоже. И, наконец, когда была уже во всем уверена, я сложила главы в новом порядке и села писать третий вариант.

Я писала маленькими порциями, стараясь довести до совершенства каждый кусочек, даже самый маленький и вроде бы пустяковый. Удалила пассажи, которые мне раньше были очень дороги и которые я впихнула в текст потому, что мне нравился стиль, или образ, или какой-нибудь каламбур. Я работала так восемь или девять месяцев и наконец прислала редактору первую часть, которая его удивила, и вторую, которая его очень порадовала. Третью часть я закончила примерно в то же время, когда рассталась с очередным «мужчиной моей жизни». Меня озарило: а что если отправить текст почтой, одолжить денег на билет до Нью-Йорка и пробыть там неделю-другую — заняться финальной правкой романа на пару с редактором, заодно отдохнуть от личных проблем. Кстати, и забрать в издательстве причитающиеся мне остатки аванса и устроить оздоровительный поход по магазинам.

Я написала редактору, что вылетаю в Нью-Йорк. Возражать он не стал. Бывшему «мужчине жизни» я велела собирать чемоданы и съезжать из моего дома. Заняла у тети тысячу долларов, обещала вернуть в конце месяца. И улетела.

В первое же утро по прибытии я надела нарядное «платье девушки-писателя» и туфли на шпильках и пошла встречаться с редактором. Я решила, что мы сразу приступим к правке, а потом он выдаст мне остаток аванса. Всем станет ясно, что истина и красота снова восторжествовали, а я с блеском преодолела полосу

творческих неудач. Читатели будут в шоке, если узнают, что эту великую книгу чуть было не выбросили на свалку.

Но редактор сказал:

— Мне очень жаль...

Я посмотрела вопросительно.

— Мне очень, очень жаль, — повторил он. — Но у вас опять ничего не получилось. Концы не сходятся.

Редактору было непонятно, что, как и почему случается в моем романе — и почему в нем происходит так мало. Я сидела и смотрела так, будто у него внезапно расплавилось и потекло лицо.

— Очень жаль, — еще раз сказал он.

Сначала я была слишком потрясена, чтобы заплакать, и все время трогала свой лоб, будто проверяла, в порядке ли прическа. Наверное, я была похожа на Бланш Дюбуа¹ под сильной дозой. Потом я все-таки разрыдалась и сказала, что мне срочно нужно идти. Он попросил позвонить ему через день. Я пообещала, хотя сама не верила, что буду жива.

К счастью, в те времена я еще пила. Я вернулась в дом, где жила у давних родительских друзей, опрокинула в себя несколько бокалов за встречу, а потом взяла такси и поехала к другим друзьям. Там я выпила еще бокалов сто или двести и употребила немного кокаина (если честно, губа у меня в какой-то момент была как у муравьеда). Затем я пошла в магазин и прикупила литр ирландского виски, вернулась туда, где остановилась, и тянула виски прямо из бутылки, пока не вырубилась.

Проснувшись я в несколько подавленном состоянии. Взглянув на рукопись, засунутую в чемодан, я вспомнила всех тех прекрасных, веселых, страдающих людей, которых сотворила и с которыми

---

¹ Героиня пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай “Желание”». Прим. ред.

прожила почти три года. И тут меня охватило бешенство. Я набрала домашний номер редактора. В тот день он не собирался на работу и явно тоже пребывал в унынии.

— Сейчас приеду, — сказала я. На том конце провода долго молчали, потом послышалось робкое:

— Ну ладно... — как будто редактор хотел, но боялся спросить: — Надеюсь, хоть без ножей?

Я вышла на улицу и поймала такси.

Редактор впустил меня к себе и попытался усадить, но я была слишком зла, унижена и подавлена. Я прижимала рукопись к груди, как младенца. В ней были места, над которыми смеялись или рыдали мои друзья. В ней было очень много забавного и важного, такого, о чем больше никто не писал. Я это точно знала. Вроде бы. Я металась по редакторской гостиной, как неопытный адвокат перед присяжными, и объясняла разные моменты, которые — боясь, что выйдет слишком очевидно, — опустила в рукописи. Пришлось заполнять пробелы, реконструировать отношения персонажей, которые мне прежде казались вполне ясными. Наверное, я выглядела дико: двадцативосьмилетняя похмельная доходяга, — но все же сумела рассказать, про кого и про что должна быть моя книга. Я изложила биографии главных героев, а потом долго вслух размышляла, что делать с сюжетом и концепцией, как упростить одни коллизии и развить другие. Слова лились из меня сами собой. Когда поток иссяк, редактор внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Спасибо.

Какое-то время мы сидели бок о бок на диване и молчали. Наконец он снова заговорил:

— Послушайте, я бы очень хотел увидеть ту книгу, которую вы сейчас мне рассказали. Пока вам не удалось ее написать. Поезжайте

куда-нибудь и составьте краткий план, какой-то конспект сюжета. Разложите по пунктам все, что вы тут говорили целых полчаса. Тогда получите остаток аванса.

Так я и сделала. Меня на месяц приютили друзья в Кембридже, и там я каждый день садилась и составляла план одной из глав, объемом от пятисот до тысячи слов. Я прописывала образы персонажей, разъясняла мотивы их поступков, происходящие с ними перемены. Иногда я брала готовые фрагменты из рукописи, выбирала самые удачные места, чтобы внушить доверие редактору и самой себе, и постепенно определяла для каждой главы точку А — начало, и точку Б — финал. Затем нужно было понять, как привести персонажей из точки А в точку Б, а потом перекинуть мостик от точки Б в конце одной главы до новой точки А — начала следующей. Книга сделаласьстройной и связной, как алфавит, четкой и яркой, как сновидение. Краткое изложение развернулось на сорок страниц. Я отправила его в редакцию еще из Кембриджа и улетела домой.

План сработал. Редактор выдал аванс; я вернула долг тете, а на остальное жила, пока писала окончательную версию. Теперь я предельно точно знала, что делаю. У меня был рецепт. Книга вышла на следующий год и до сих пор остается моей самой удачной работой.

Всякий раз, когда я рассказываю про нее студентам, они просят показать им тот самый план-конспект. Когда я приношу его на занятия, ученики благоговеют, будто увидели редкий музейный экспонат. Бумага, на которой он напечатан, стала ломкой от старости. Он весь пестрит пометками, кляксами, кругами от кофейных чашек и бокалов с вином. Пожалуй, я и сама воспринимаю его как исторический документ — памятник храбрости и упорству.

Как понять, что книга готова?

Мои студенты все время задают этот вопрос. А я и не знаю, что тут отвечать. Ты просто чувствуешь, и все. Кажется, мои ученики рисуют себе примерно такую картину: когда профессиональные писатели заканчивают очередную вещь, они ставят последнюю точку, откидываются на стуле, зевают и довольно улыбаются.

Лично я ни разу не встречала автора, у которого бы это получилось. Чаще всего приходится бесконечно перечитывать текст, править, дописывать, подчищать; потом рукопись читает кто-нибудь еще и выдает замечательные идеи, которые непременно нужно добавить в книгу. И так до тех пор, пока внутренний голос не заявит: все, пора взяться за что-то новое. Конечно, совершенству нет предела, но нельзя забывать, что перфекционизм — глас тирана.

Есть одно сравнение, которое я услышала от врачей-наркологов. Они говорят: обуздать свои вредные привычки — все равно что запихать в кровать осьминога. По-моему, очень яркий образ и очень верно передает то, что происходит, когда правишь последний вариант текста. Кажется, что все щупальца аккуратно упакованы в обложку — сюжет придуман, конфликт между главными героями благополучно разрешен, тон выбран верно, — но тут наружу высовывается парочка отростков и начинает шевелиться. Может

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО КНИГА ГОТОВА?

быть, диалоги в начале и в конце выдержаны в разной тональности. А может, один из персонажей так и остался картонной нежитью. Запихиваешь под одеяло и эти щупальца — тут же вылезает что-то еще.

По всей вероятности, в конце работы вы будете сидеть над рукописью, мять лицо руками и ощущать себя старой истертой автомобильной крышкой. Но в один прекрасный миг вам вдруг станет наплевать и на щупальца с присосками, и на издевку в узких осьминожьих глазках. Да, осьминог смотрит так, будто вот-вот проглотит вас живьем просто со скуки; да, ваш текст далек от совершенства и вы ждали от себя гораздо большего. Но вы уже выпустили весь пар, сдулись и ничего лучшего точно не сделаете. Пожалуй, в этот момент и надо закончить работу.

Часть II

Писательский настрой}

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Смотрим по сторонам

Чтобы писать, нужно научиться внимательно смотреть вокруг и сообщать другим, что происходит. А что, собственно, с нами происходит? Главное, по-моему, вот в чем: мы все варимся в одном котле, и надо *приспособиться друг к другу* и не озвереть. Иначе мы станем ежесекундно лаяться, как собаки: «Полюбуйся, что ты сделал! Ты испортил мне жизнь! Это все из-за тебя!» Быть писателем — значит замечать людские страдания и, как выразился Роберт Стоун¹, стараться найти в них смысл. Но это получается, только когда смотришь на людей с уважением. Тот, кто видит только дорожную одежду или лохмотья, никогда их не поймет.

Писатель всегда немного в стороне от житейского бурления, но пристально наблюдает и старается подметить как можно больше. Да, ты на обочине, но ведь детали можно рассмотреть в бинокль. Твое дело — четко и ясно изложить свою точку зрения, показать любую ситуацию с уникального ракурса. Нужно видеть людей такими, какие они есть, а для этого необходимо и к себе относиться с сочувственным пониманием. Только тогда сможешь по-настоящему вжиться во внутренний мир другого человека. Мысль вроде бы простая, но на практике почему-то все гораздо

---

¹ Роберт Стоун (род. 1929) — американский ученый, педагог-экспериментатор, прозаик. *Прим. пер.*

сложнее. Лет двадцать назад мой дядя Бен прислал мне письмо, и там были такие строки: «Иногда встречаешь человека — неважно, какого пола и возраста, — и сразу *чувствуешь* в нем часть Великого Целого, которое живет и внутри тебя. У вас даже соринки в глазах одинаковые. Ты кровью *чуешь*, что вы с ним — одного племени, и узнаешь его как родного». Вот это и должно происходить с читателем: пусть при встрече с персонажами он заметит в их глазах родные соринки и почует соплеменников. Но создать столь узнаваемых героев может только тот, в ком есть сострадание к себе.

Легко смотреть с нежностью и пониманием на ребенка — особенно своего и особенно если он умудряется быть смешным и трогательным, даже когда делает что-то не очень хорошее. Еще можно умиляться при виде, скажем, бурундука. Можно разглядеть его как следует; осознать, что у наших ног живая жизнь (по крайней мере одна из ее низших форм). Если хорошо всмотреться, начинаешь различать особые повадки и привычки; если вслушаться, начинаешь даже разбирать какие-то интонации в звуках, которые издает зверек. Не хочу углубляться в эзотерику, но бывают моменты, когда остро *чувствуешь*: ты и этот бурундук — части великого мирового целого. Наверное, мы чаще ощущали бы такое слияние, если бы не рациональная составляющая нашего «я». Разум как будто подавляет в нас чувство единения со всем сущим, чтобы мы могли успешно устраивать свои дела и устраиваться в мире: например, вовремя заполнять налоговую декларацию. И все же можно ощутить внутреннее родство, когда смотришь — по-настоящему внимательно — на полицейского и замечаешь, что он такой же человек, как все: тоже живет, дышит, страдает. Тогда перестаешь видеть жестокость, хаос и опасность, с которыми ассоциируется служба в полиции, а видишь существо, подобное и равное тебе.

Очевидно, на себя гораздо сложнее посмотреть с тем же отстраненным состраданием. Помогают только тренировки. Как от любой нагрузки, у вас поначалу все будет болеть. Но потом станет легче и вы сможете делать больше с каждым днем. Я сама очень медленно учусь возвращать мой бешено скачущий ум в состояние спокойного приятия и дружеского уважения к себе. Попробуйте представить собственное сознание в виде несмысленного щенка, которого надо приучить делать свои дела на подстеленную газету. Вы же не станете выкидывать его в соседский двор каждый раз, как он нальет лужицу на полу. Надо просто относить его на газетку. Вот так и я стараюсь возвращать ум туда, где действительно есть на что посмотреть и над чем подумать. Ведь если я не научусь это делать, то ничего толком не пойму в жизни.

Я искренне полагаю, что быть писателем — значит с почтением относиться к жизни. Иначе зачем писать? Зачем вообще жить?

Давайте понимать почтение как благоговение, сознание своего присутствия в мире и готовность открыться ему навстречу. Иначе мы обречены на внутренний застой и затхлость. Вспомните моменты, когда вы читали поэзию или прозу, которые поразили вас красотой или мудростью, дали возможность заглянуть в душу другого человека. От таких прозрений мир открывается нам во всей своей полноте или хотя бы на миг обретает смысл. Думаю, в этом и есть миссия писателя: помочь нам пережить чувство — простите за банальность — изумления и новизны; встряхнуть и вывести из спячки, разомкнуть границы наших маленьких личных мирков. Когда это происходит, жизнь обретает новый простор. Представьте себе прогулку с ребенком и его радостно-непосредственное: «Ух ты! Смотри, какая грязная собака! Ух ты! Смотри, а там дом сгорел! Ой, смотри, какое небо красное!» Ребенок тычет пальцем, и ты сам

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

заражаешься и начинаешь восклицать: «Ух ты! Какой здоровенный куст! Какой хорошенький малыш! Смотри, какая там страшная туча!» Мне кажется, именно так мы и должны воспринимать мир — с постоянным восхищением. У меня над столом висит листок с замечательными строками суфийского мистика Руми¹:

*Божья радость идет от котомки к котомке,
из хижины в хижину.
Словно влага дождя, питает цветы.
Словно розы, растет из земли.
Она кроется в яствах, и в лозах, и в беге коня.
Она спит до поры
но однажды пробьет скорлупу
и птенцом упорхнет на волю.*

Внимание к миру приносит большое счастье. Можно вспомнить заветы Уильяма Вордсворта² и достичь полной открытости бытию, когда во всем видишь святыню, знак присутствия Бога в любом творении. Но даже если вам чужд религиозный пыл и вы не склонны считать внешний мир воплощением невидимой тайной благодати, это не значит, что вы — бездуховный филистимлянин. Любой человек способен остро ощутить красоту или боль в природе и человеческом сердце, попытаться передать детали и нюансы своих переживаний. Когда присматриваешься, начинаешь видеть.

---

¹ Джалаладдин Руми (1207–1273) — средневековый персидский поэт и философ. Прим. пер.

² Уильям Вордсворт (1770–1850) — английский поэт-романтик, представитель Озерной школы. Прим. ред.

Если увиденное поражает и пробуждает нас и мы пишем об этом правдиво и открыто, рождается надежда. Мы смотрим вокруг и говорим: «Ух ты, вон опять тот же пересмешник! А вот снова идет женщина в красной шляпке!» Женщина в красной шляпке символизирует надежду: ведь она тоже по уши погрязла в этой жизни, но все равно каждый день надевает свою дурацкую шляпку и выходит на улицу. Возможно, один из этих образов смутно проступит в нижнем углу вашего воображаемого фотоснимка. Поначалу вы и не знали, что он попал в кадр, но он есть и пробуждает в вас нечто мощное, глубокое, безымянное. Вот что писал Гари Шнайдер¹:

*Рябь на воде —
след глубинной серебряной рыбы —
иная, чем рябь, что от ветра.*

Здесь нет и двадцати слов, но перед глазами будто встает поверхность пруда, и сколько нового замечаешь в ней! В моей фонотеке есть одна запись: тибетская монахиня поет мантру соболезнования. В ней всего восемь слов; они повторяются снова и снова более часа, но всякий раз звучат иначе. Слышно, что певица обдумывает и переживает каждое слово. Ни разу не возникает ощущение, что она смотрит на часы и думает: «Господи, неужели я отмучилась всего пятнадцать минут?» Сорок пять минут спустя она по-прежнему четко выпевает каждую строку, и так до последнего слова.

---

¹ Гари Шнайдер (род. 1930) — американский эссеист, поэт и литературный критик.
Прим. пер.

ЧАСТЬ II. ПИСАТЕЛЬСКИЙ НАСТРОЙ

Редко встречается что-то такое же простое и чистое, как будто с каждым слогом тщательно выпевается сама жизнь. Но тем драгоценней пристальное, любовное внимание к миру. Выйти за пределы своего «я» — значит вырваться из тюрьмы разума. Иначе рассудок замкнется в себялюбивой узости, погрязнет в собственных испражнениях и никому больше не даст ни радости, ни надежды.